

УДК 81'42

UDC 81'42

**КОНТЕКСТ И ЕГО РОЛЬ
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНОГО
ФЕНОМЕНА****CONTEXT AND ITS ROLE IN
INTERPRETATION OF PRECEDENT
PHENOMENON****Т. В. Аникеева,**
*аспирант кафедры славянских
языков МГЛУ***T. Anikayeva,**
*Postgraduate Student of the Department of Slavic
Languages, Minsk State Linguistic University*

Поступила в редакцию 10.02.21.

Received on 10.02.21.

В статье анализируется феномен контекста и его связь с прецедентным явлением. Устанавливается, что одним из способов актуализации прецедентного феномена в рамках узкого контекста является фразеологизация свободных словосочетаний, формирующая новый тип фраземы. Предлагается классификация прецедентных феноменов современного художественного текста на основе глубины интеграции прецедентного феномена в контекст.

Ключевые слова: контекст, минимальный контекст, фразеологизованная единица, прецедентный феномен.

The article analyzes the phenomenon of context and its connection with precedent phenomenon. It is established that one of the ways of actualization of precedent phenomenon within the framework of narrow context is phraseologization of free collocations forming a new type of phraseme. It suggests the classification of precedent phenomena of modern artistic text on the base of the depth of integrating the precedent phenomenon into the context.

Keywords: context, minimal context, phraseologized unit, precedent phenomenon.

Современное поликультурное пространство ориентировано на вычленение и интеграцию феноменов широкого семиотического плана в новое текстовое окружение. Формирование смысла художественного произведения может осуществляться с отсылкой на «творчество того же автора, смежное искусство, дискурс или предшествующий дискурс» [1, с. 11]. Формирование, функционирование и интерпретация семантических единиц представляется возможной на основе взаимодействия семантико-прагматических и контекстуальных характеристик текстового пространства и требует рассмотрения подходов к определению термина «контекст» и его роли в интерпретации языковых феноменов текстового пространства.

Контекст в наиболее общем смысле представляет собой явление, призванное обозначать условия употребления слова безотносительно к его природе и форме [2, с. 22]. Текстологический подход к термину «контекст» представляет его фактором, обуславливающим употребление слова, устанавливающим различие, как именно употреблено слово говорящим или пишущим [3, с. 28]. Такие характеристики, как фрагментарность и членимость контекста, выделены в его определении как «фрагмента текста, включающего избранную для анализа единицу, необходимого и достаточного для определения значения этой единицы, являющегося непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста, фрагмента текста минус определяемой единицы» [4, с. 238]. Подобно лексемам, включаемым в синтагматическое окружение и контекстуально определяемым при его помощи, вербальной или вербализуемой единицей, объективирующейся в текстовом пространстве, выступает прецедентный феномен – познавательный и эмоционально аксиологичный,

известный широкому окружению языковой личности, ее предшественникам и современникам феномен, апелляция к которому возможна многократно в дискурсе определенной языковой личности [5, с. 216]. Таким образом, прецедентный феномен как объективирующаяся в текстовом пространстве языковая единица предстает как явление, употребление которого в рамках художественного текста может быть обусловлено контекстом как непосредственным окружением данной единицы.

Типология контекста как языкового термина представлена двумя разновидностями контекстуального окружения, включающими лингвистический и экстралингвистический контексты. Под лингвистическим контекстом понимается вся совокупность языковых условий, в рамках которых единица языка функционирует в тексте; учет экстралингвистического контекста предполагает исследование многочисленных пресуппозитивных характеристик, к которым относятся коммуникативная ситуация, предполагающая наличие определенных условий общения, времени, места и характера коммуникации, а также отношений между самими коммуникантами, что типично для дискурсивных исследований. Упомянутая выше конкретизирующая ситуационность репрезентирует экстралингвистический контекст, к которому относится и понятие культурологического контекста, скрепляющего множество фактов, способов и моделей организации внеязыковой действительности. Помимо этого, типологическими критериями, на основании которых происходит разграничение контекстов, является их объем. Традиционным и общепринятым в данном отношении следует считать выделение узкого (микрконтекста) и широкого (макрконтекста), где по отношению к исследуемой единице узким контекстом считается линг-

вистический контекст в пределах словосочетания и предложения, а широким является выходящий за пределы предложения контекст, в котором употреблена языковая единица. С позиции смысла микроконтекст понимается как минимальное синтагматическое окружение языкового факта, предполагающего включение в смысл фрагмента и кодирование с помощью пресуппозиций, ассоциаций, коннотаций; макроконтекст обозначается как окружение исследуемой единицы, которое функционально относит ее к тексту как целостности [4, с. 238]. Узкий контекст в отношении прецедентного феномена как его непосредственное окружение представлен единицами, формирующимися на основе свободных словосочетаний, пре- или постпозитивным элементом которых выступает прецедентный феномен. Процессы, которые задействованы на семантическом и синтаксическом уровнях включения прецедентного феномена, приводят к образованию фразеологизированной единицы и осуществляют превращение современных свободных сочетаний слов в устойчивые словосочетания, обладающие признаками фразеологизма (неофраземы XXI в.) [6, с. 242]. Конструируемая на основе неофраземы семантика смысла, с одной стороны определяется семантическим содержанием прецедента, конструирующего фразему, с другой – определяется способностью узкого контекста кодировать единицу дополнительным ассоциативным и коннотативным образом, представляя контекстуальное приращение ее смысла: «Ага, разбежался! Мы были людьми принципа. Пробудившись и не обнаружив Лапина на месте, мы пришли к выводу, что он продолжил **бой с Левиафаном**. Отправляясь на берег, прихватили с собой топор. На этот раз застали Лапина в еще более искаженном виде. Люди на корабле поняли, что им объявлена война, и приступили к активным оборонительным действиям» [13, с. 66]. Выступающее в качестве ключевого интерпретационного фрагмента фразеологизированного сочетания прецедентное имя *Левиафан*, обозначающее поражающее своим размером и силой существо [7; 8], фраземно коннотируется с помощью фраземного определения «*бой с...*», подчеркивающего бесполезность подобных затей.

С точки зрения языковой формы эпистемическим основанием для расшифровки механизмов смыслопорождения выступает двусторонность, присущая структуре языкового знака. Текст предстает как знаковая система, границы которой являются размытыми, а содержание параметрически вариативно, что, в рамках более широкого контекста позволяет осуществить интерпретацию прецедентного феномена. В основе как контекстных, так и интертекстовых построений могут находить-

ся инвариантные построения, среди которых могут быть выделены базовые, лежащие в его основе семантико-смысловые компоненты [9, с. 21]. Синтезирующие механизмы смыслоформирования и смыслопорождения, таким образом, соответствуют структурным и семантическим характеристикам многозадачности и полисемичности, а номинант способен закреплять возникающую в результате конфигурацию высказывания текста [9, с. 21].

Одной из особенностей современного художественного текста является комбинаторность его построения, что приводит к использованию значительного количества заимствованных элементов, отражающих факты, приемы и способы освоения окружающей действительности. Это может привести к своеобразному способу структурного построения, «где высказывания не всегда логически следуют одно из другого, синтаксические структуры представляют собой причудливое переплетение сложноподчиненных предложений, осложненных причастными и/или деепричастными оборотами» [10, с. 9]. Подобное осложнение наблюдается и при реализации прецедентного феномена, где заимствующий текст сближается с исходным прецедентным текстом, имитируя его структуру и основные смысловые опоры: «*И вот на корабле били склянки, и капитан мне кричал, что корабельщики устрашились и зывали каждый к своему богу, и стали бросать в море кладь с корабля. «А ты тут в трюме дрыхнешь! – кричал он. – Встань, воззови к Богу твоему! Может быть, твой Бог вспомнит о нас, и мы не погибнем!» И сказали корабельщики друг другу: «Бросим жребий, чтобы узнать, за кого постигает нас эта беда». И все бросили жребий, и жребий пал на меня. Тогда они спросили: скажи нам, за кого постигла нас беда? Какое твое занятие и откуда идешь ты? Где твоя страна и из какого ты народа?»*» [14, с. 318–319]. Сложная семантическая структура подобных текстовых единиц как прецедентных феноменов формируется на основе вычленения из текстового пространства инвариантной структуры, путем сопоставления с которой устанавливается референция к тексту-источнику (которым, в данном случае, выступает сюжет из книги пророка Ионы). Тем не менее, контекстуальное окружение прецедента и его рассмотрение в рамках макроконтекста позволяет говорить о высоком уровне мифологизации, которому подвергается не только прецедентный текст в виде юмористического пересказа, но и окружающее контекстуальное пространство.

Способность таких когнитивных образований, как прецедентные феномены, объективироваться в тексте и подвергаться дальнейшей интерпретации, вновь обращает внимание на текст как на уровневую систему, предполагающую подчинение единиц более низшего уровня бо-

лее крупной речевой единице. Единица, занимающая в иерархии более высокое положение, коррелирует как со своим непосредственным окружением, так и с текстом как целым. Прецедентный феномен на текстовом уровне служит способом формального воплощения смысла; коррелируя друг с другом, прецеденты формируют не только ассоциативные, но и синтагматические языковые отношения, соотносясь с ними с точки зрения формы или семантики, что обусловлено сложным, двусторонним характером языкового знака. Формируемый на основе метафоро-метонимических контекстуальных связей и являющийся элементом вторичной номинации, прецедентный феномен как языковой номинант представляет собой семантически и семиотически многозначное явление, которое «генерируется кодовой природой знака, и этим же кодом может быть устранено» [9, с. 26]: «На горизонте что-то блеснуло. Филимонова вытянула шею, всматриваясь. Нечто гладкое, поймав солнечный блик, загорелось серебристым округлым боком. Рыба? – первое, что пришло в голову Филимоновой. – Ну да, как же – **рыба-кит!**» [15, с. 18]. Использование прецедентного феномена в данном случае подтверждает тезис о том, что фразовое единство, сформированное на основе прецедентного феномена, находит отражение и интерпретируется в контексте, включающем информацию наиболее общего характера, так как прецедентное наименование *рыба-кит*, однозначность которого определяется апелляцией как к контексту (героиня романа плывет по водам, ожидая спасения), так и к литературной сказке П. П. Ершова «Конек-Горбунок», репрезентирующей фонд общекультурных представлений, где *рыба-кит* ассоциативно относится к определению *чудо-юдо*, обозначающее персонажа русских былин и сказок, предположительно морское чудовище.

Отдельным способом интерпретации неопределенности, построенной на основе прецедентного феномена, является направленность на интерпретацию, исходящая от более широкого контекста, где он выполняет конкретизирующую и уточняющую функции. Конкретизация в данном случае может, с одной стороны, способствовать однозначности интерпретации, снимая многозначность, но, при первичном предъявлении, и апеллировать к прецедентному феномену как совокупности ассоциативно-образных представлений, на основе которых и осуществляется этот выбор: «Ждать или нет этой ночью тумана – почему было знать Тимоше. Но у него самого после кролика и вина словно туманом затягивало сознание. В этом тумане предметы прятались от анализа. А главный предмет на сегодня, конечно, была Алена, это же к ней он приехал. **Вот эта улица, вот этот дом, – пошутил сам с собой Тимоша. – А вон эта девушка,**

моет посуду» [16, с. 93]. В данном отношении справедливо замечание, касающееся определенных видов собственно фразеологических единиц и сочетаний, направленное на дешифровку подобных единиц. Согласно данному положению, мотивированность идиоматического сочетания может опираться в своей интерпретации не только на интерпретацию его непосредственной внутренней формы, но и на особые средства, обусловленные контекстом или ситуацией. Непосредственный лингвистический контекст, в рамках которого реализуется контекстуализованная прецедентная единица, находит свое отражение и интерпретацию через обращение к более широкому контекстному пространству, под которым может пониматься сверхфразовое единство или несколько предшествующих тематически связанных сверхфразовых единств.

Смысловая экспликация контекста «начинается в момент формирования фразы, так как выбор той или иной языковой единицы задается всем контекстом будущего высказывания в соответствии с интенцией говорящего». Контекст может пониматься ситуационно, как сфера ситуационной реализации значения текста или, напротив, как внутривербальное глубинное образование, способное порождать или эксплицировать значения, что свидетельствует о контекстном сопровождении единицы как об особом образовании, ориентирующем реципиента на ознакомленность со значительным количеством фактов или реалий [11, с. 26]. Коннотативный и иные аспекты использования прецедентных феноменов в той же мере отражают направленность порождения единицы или высказывания как выбора из закрепленных за единицей лексикографических признаков, так и признаков-результатов индивидуального осмысления прецедентного феномена. В частности, сложность интерпретации прецедентного имени состоит в том, что в процессе формирования когнитивного облика прецедентного феномена значительная роль отводится ассоциативности. Важность экстралингвистического и культурологического контекста подчеркивается тем фактом, что прецедентное имя, заимствованное из какой-либо сферы-источника, может быть многозначным, то есть обладать совокупностью дифференциальных признаков и эксплицировать не только присущие имени, но и контексту характеристики [12, с. 93]. Реализуемый в рамках исследуемых единиц прецедентный образ опирается на развернутое текстовое пояснение комментирующего характера, что формирует особый способ семантико-структурного внедрения прецедентной единицы в контекст.

Прецедентные феномены могут иметь различную степень интеграции прецедента в контекстуальное окружение. В то время как все виды прецедентных феноменов представляют

собой «смысловый взрыв», прирост смысла и отправную точку дальнейшего развития и переосмысления для окружающего текстового пространства, они обладают различной степенью семантической и структурной интеграции в окружающее текстовое пространство. Прецедентное имя и прецедентный текст, используемые точно, представляют собой автономные кумулятивные единицы, апеллирующие к признаку или совокупности признаков определенного объекта или предмета. Взаимодействие данных единиц с микро- и макроконтекстом может демонстрировать интерпретативный потенциал последних, быть осложнено контекстуальным пояснением или являться структурным элементом неологизма. Отдельным способом взаимодействия прецедентного высказывания как формы, наиболее приближенной к цитате, является построение двух типов контекстуально-имплицитных отношений: соглашения (подтверждения) и несогласия: «*Солдаты, скорее всего, не знали про то, что красота спасет мир, но что такое красота они, в общем, знали*» [17, с. 5].

Тем не менее, прецедентный феномен, являясь гетерогенным по отношению к окружающему текст пространству, может быть семантически и стилистически интегрирован в контекст: «*С не меньшим энтузиазмом иллюстрировался и Ветхий Завет. Разумеется, парный портрет наших прародителей Адама и Евы, конечно же, изгнание из Рая. Языческая роскошь Египта – великолепная фактура для всех сюжетов, связанных с ранним Моисеем и «казнями египетскими». Карнавальная драматичность «Пиров Валтасара» просто чудесна своим сочным мистицизмом – **тронный зал, коптящие факелы, потные тела похотливых наложниц, тучный сатрап в золотой короне, невидимая рука, пишущая на стене огненный приговор тирану**» [15, с. 209]. Наибольшую степень интеграции прецедентного феномена в контекстуальное окружение представляют собой прецедентные тексты-пересказы, в рамках которых осуществляется сближение и взаимопроникновение формальной и семантической сторон текста-источника и текста-реципиента: «*Святой Фома (по-английски Томас) был любопытным и недисциплинированным: вечно всюду опаздывал, пропустил и Явление Христа апостолам, и Успение Богородицы*» [18, с. 7].*

Проанализированные теоретические положения и практические примеры, источником ко-

торых выступает современный художественный текст, позволяют сформулировать следующие выводы относительно соотношения понятий прецедентного феномена и контекста, а также их взаимодействия в рамках исследуемых вопросов. Контекст как условие реализации текстовых единиц представлен в пространстве современного художественного текста как лингвистическое окружение определенной текстовой единицы, к которым относится прецедентный феномен, а также как смысловая совокупность, достаточная для его корректной интерпретации и противопоставленная тексту как целому. Особым видом контекстного окружения предстает культурологический контекст, к которому прецедентный феномен обращен своей когнитивно-кумулятивной стороной. Микроконтекстное влияние контекста как определенной, синтагматически взаимообусловленной совокупности единиц на прецедентный феномен, способствует формированию фразеологизированной единицы и осуществляет превращение современных свободных сочетаний слов в устойчивые словосочетания с центрирующим и определяющим их прецедентным феноменом. Взаимодействие текста-реципиента и текста-источника, являющееся одним из ключевых факторов, определяющих использование прецедентного феномена, может приводить к значительному усложнению синтактико-семантической языковой структуры. Контекстуальное осмысление прецедентной единицы может способствовать возможности дополнительной классификации прецедентных феноменов в силу различной степени семантической и структурной интеграции в окружающее текстовое пространство. Текстовое представление прецедентного имени или прецедентного текста демонстрирует наибольшую степень автономности, поскольку апеллирует к признаку или совокупности признаков определенного объекта или предмета. Логико-семантические связи, реализуемые на основе прецедентного высказывания, формируют его интегративный характер с предшествующим контекстом, где основные логико-структурные отношения направлены на подтверждение или опровержение позиции адресанта. Наиболее глубокая структурно-семантическая связь между лингвистическим контекстом и прецедентным феноменом формируется сверхсловными прецедентными текстами, цитирующая сущность которых дополняется индивидуальными коннотациями на семантическом и структурном уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов, И. П. Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака) / И. П. Смирнов. – Изд. 2-е. – СПб.: СПбГУ, 1995. – 193 с.
2. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – Ленинград: ЛГУ, 1963. – 208 с.
3. Булаховский, Л. А. Введение в языкознание / Л. А. Булаховский. – М.: Учпедгиз, 1954. – 177 с.

REFERENCES

1. Smirnov, I. P. Porozhdenie interteksta (elementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorchestva B. L. Pasternaka) / I. P. Smirnov. – Izd. 2-e. – SPb.: SPBGU, 1995. – 193 s.
2. Amosova, N. N. Osnovy anglijskoj frazeologii / N. N. Amosova. – Leningrad: LGU, 1963. – 208 s.
3. Bulahovskij, L. A. Vvedenie v yazykoznanie / L. A. Bulahovskij. – M.: Uchpedgiz, 1954. – 177 s.

4. Лингвистический энциклопедический словарь / редкол. : В. Н. Ярцева [и др.]. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
5. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : ЛКИ, 2010. – 264 с.
6. Шипицына, Г. М. Фразеологизация свободных словосочетаний в русском языке XXI века / Г. М. Шипицына // Вестник Брянского государственного университета. Сер. История, литературоведение, право, философия, языкознание. – 2010. – № 2. – С. 242–245.
7. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Изд. 4-е. – М. : А ТЕМП, 2006. – 944 с.
9. Прюво, Ж. Текст, контекст, интертекст: синтез смыслопорождения / Ж. Прюво, А. П. Седых, Л. М. Бузинова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2018. – № 3. – С. 21–35.
10. Седых, А. П. Контекст. Знак. Образ (на материале произведений М. Пруста) / А. П. Седых. – Белгород : БГУ, 1998. – 160 с.
11. Колшанский, Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1980. – 154 с.
12. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / Д. В. Багаева [и др.] // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / Филология ; под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. – М., 1997. – С. 82–103.
13. Месяц, В. Стриптиз на 115-й дороге / В. Месяц. – М. : Изд-во «Э», 2017. – 416 с.
14. Шишкин, М. Венерин волос / М. Шишкин. – М. : АСТ, 2020. – 572 с.
15. Бочков, В. Б. Время воды / В. Б. Бочков. – М. : Изд-во «Э», 2017. – 256 с.
16. Зайончковский, О. В. Тимошина проза / О. В. Зайончковский. – М. : АСТ, 2016. – 288 с.
17. Маканин, В. Ночь... Запята... Ночь / В. Маканин. – М. : Изд-во «Э», 2018. – 352 с.
18. Матвеева, А. Спрятанные реки: Истории о попутчиках / А. Матвеева. – М. : АСТ, 2019. – 285 с.
4. Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' / redkol. : V. N. Yarcova [i dr.]. – M. : Sov. encikl., 1990. – 685 s.
5. Karaulov, Yu. N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' / Yu. N. Karaulov. – M. : LKI, 2010. – 264 s.
6. Shipicyna, G. M. Frazeologizaciya svobodnyh slovosochetaniy v russkom yazyke XXI veka / G. M. Shipicyna // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, literaturovedenie, pravo, filosofiya, yazykoznanie. – 2010. – № 2. – S. 242–245.
7. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / sost. i gl. red. S. A. Kuznecov. – SPb. : Norint, 2000. – 1536 s.
8. Ozhegov, S. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. – Izd. 4-e. – M. : A TEMP, 2006. – 944 s.
9. Pryuvo, Zh. Tekst, kontekst, intertekst: sintez smysloporozhdeniya / Zh. Pryuvo, A. P. Sedyh, L. M. Buzinova // Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki. – 2018. – № 3. – S. 21–35.
10. Sedyh, A. P. Kontekst. Znak. Obraz (na materiale proizvedenij M. Prusta) / A. P. Sedyh. – Belgorod : BGU, 1998. – 160 s.
11. Kolshanskij, G. V. Kontekstnaya semantika / G. V. Kolshanskij. – M. : Nauka, 1980. – 154 s.
12. Precedentnoe imya i precedentnoe vyskazyvanie kak simvol'y precedentnyh fenomenov / D. V. Bagaeva [i dr.] // Yazyk, soznanie, kommunikaciya : sb. statej / Filologiya ; pod red. V. V. Krasnyh, A. I. Izotova. – M., 1997. – S. 82–103.
13. Mesyac, V. Striptiz na 115-j doroge / V. Mesyac. – M. : Izd-vo «E», 2017. – 416 s.
14. Shishkin, M. Venerin volos / M. Shishkin. – M. : AST, 2020. – 572 s.
15. Bochkov, V. B. Vremya vody / V. B. Bochkov. – M. : Izd-vo «E», 2017. – 256 s.
16. Zajonchkovskij, O. V. Timoshina proza / O. V. Zajonchkovskij. – M. : AST, 2016. – 288 s.
17. Makanin, V. Noch'... Zapyataya... Noch' / V. Makanin. – M. : Izd-vo «E», 2018. – 352 s.
18. Matveeva, A. Spryatannye reki: Istoriy o poputchikah / A. Matveeva. – M. : AST, 2019. – 285 s.